

На правах рукописи

Панюков Анатолий Васильевич

**СИНЕРГЕТИКА ФОЛЬКЛОРНЫХ ИННОВАЦИЙ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ**

Специальность: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва, 2024

Работа выполнена в отделе языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».

Официальные оппоненты:

1. Адоньева Светлана Борисовна – доктор филологических наук, профессор, директор АНО «Пропповский Центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры»,
2. Дранникова Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге,
3. Коровашко Алексей Валерьевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской литературы Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук».

Защита состоится «13» ноября 2024 г. в 14.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.080.01 при ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а и на официальном сайте: <https://imli.ru/dissertatsionnyj-sovet-24-1-080-01/zashchity/6027-sinergetika-folklornykh-innovatsij-v-traditsionnoj-kulture-komi>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н.

С.С. Макаров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. В современных исследованиях фольклорная культура предстает как чрезвычайно динамичная и адаптивная система. Происходящие в ней инновационные процессы входят в противоречие с фундаментальным признаком фольклора, с его традиционностью. Понятие традиционность лежит в основе определения типа народной художественной культуры, а также дефиниций всех ключевых понятий фольклора: традиционной среды, традиционного быта, традиционной культурной нормы, коллективной языковой личности и, наконец, понятия фольклорной традиции. Культурная традиция как «универсальный механизм селекции, аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии жизненного опыта, позволяющий достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости,»¹ является основным условием существования общества любой формации. При этом в качестве базового критерия при дифференциации культур выдвигается «мера актуализации наследия», ориентация на сохранение и передачу во времени основных (канонических) текстов, что характерно для фольклора.

Параллельно с поиском новых теоретических обоснований за последние двадцать лет фольклор стал объектом многих интердисциплин, возникших на стыке различных научных сфер. В результате система границ в области научного знания о традиционной культуре значительно усложнилась, а объектное и предметное поля оказались многократно «перекроенными». Вероятно, в силу постоянной изменчивости представлений о фольклоре как о специфическом исследовательском объекте и, соответственно, методов его познания ни одна фольклористическая теория не доходит до своего логического конца, уступая место новым теоретическим концепциям. Современная фольклористика представляет собой мультидисциплину, в ней сконцентрированы

---

¹ Макарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография, 1981. № 2. С.81.

антропологический, теоретико-литературный, культурологический, социально-психологический элемент. Хотя бы в силу медиальности ее предмета: действие, слово, ритм, изображение, жест – все, что представляет собой элементы фольклорного высказывания.

На рубеже веков фольклористика оказалась перед объективной необходимостью переоценки своего научного багажа, уточнения предмета изучения в связи с кардинальным изменением места и роли фольклора в современном мире. Целостная концепция фольклорной традиции должна быть объемлющей, вовлекающей в сферу своего рассмотрения не только то, что мыслится как простое, но и то, что мыслится как сложное. В этих условиях представляется полезным обратиться к другим наукам и попробовать хоть в какой-то степени универсализировать аналитический инструментарий, сделать его общепонятным и доступным.

Одним из таких междисциплинарных направлений является синергетика, исследующая поведение сложных систем разной природы. Междисциплинарные исследования, использующие методы синергетики, позволяют по-новому оценить результаты открытий, как в рамках естественно-научного знания, так и в науках о человеке, обществе, поскольку синергетика ищет общие принципы эволюции мира. В рамках синергетических исследований объектом естественно-научного знания стали проблемы, традиционно изучаемые в гуманитарных науках. Сегодня уже можно говорить о возникновении целых направлений, таких как социосинергетика, лингвосинергетика, историческая синергетика и другие.

Язык синергетики только на первый взгляд кажется непроницаемым для ученых гуманитарного профиля, так как оперирует понятиями, пришедшими из естественно-научного цикла. Ряд идей синергетики, например, таких, как динамичная структурность, открытость, нелинейность языковой системы, уже давно разрабатывается лингвистами и служит источником интересных гипотез².

---

² См., напр.: Залевская А.А. Синергетическая психолингвистика или психолингвистическая синергетика? // Сб. науч. трудов, посвященный 50-летию проф. В.А. Пищальниковой. Бийск,

Переход к новой парадигме зачастую связан с изменением угла зрения на исследуемые явления. Так, многие объекты, традиционно изучаемые в рамках цикла гуманитарных дисциплин, такие как язык, мышление, понимание, смысл, концепт, в терминах синергетики представляют собой открытые системы, существующие в нелинейной и неравновесной среде, обладающие иерархическими уровнями структурной организации. Можно отметить и первые синергетические наработки в области фольклористики³.

Представляя фольклорную культуру в виде сложноорганизованной системы, состоящей из многих взаимосвязанных подуровней или подсистем, и пытаясь навести определенный порядок в наших представлениях о ней, мы невольно конструируем привычную нам модель управления: если есть система, то есть и механизмы управления этой системой, призванные сохранять ее стабильность. И нам кажется неоспоримым тот факт, что порядок в системе фольклора есть результат работы особых механизмов стабилизации, а само понятие «традиция» подразумевает, прежде всего, межпоколенную передачу определенных (консервативных) правил, законов организации данной культуры, которые направлены на то, чтобы сохранить ее неизменность. В идеале – вся традиционная культура как бы ориентирована на точное самовоспроизведение, однако коэффициент полезного действия, т.е. «мера актуализации наследия» такой системы ограничена ее физическими параметрами (свойства памяти носителей традиции, пределы возможности устной передачи, пределы возможности сопротивляться влиянию внешнего мира и т.п.), и на отдельных участках культуры всегда могут возникнуть сдвиги, «сбои», «ошибки». Таким

2000; Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику: Монография. Барнаул, 1999; Кузьмина Н.А. Язык синергетики и синергетика языка // Вестник Омского университета, 2004. № 3. С. 38-44; и ряд других работ.

³ Малкова А.С. Мифологические сюжеты как результат самоорганизации / Синергетика и искусство, 2006. URL: <http://spkurdyumov.ru/art/mifologicheskie-syuzhety-kak-rezultatsamoorganizacii/> (дата обращения 01.01.2024); Панюков А.В. Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009. – 224 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской академии наук); Рыбакова Л.В. Синергетическая фольклористика. Порядок в хаосе фольклорного микромира. Москва: Прогресс-Традиция, 2013. - 343 с.

образом, и в фольклоре всегда есть место и традиционным и инновационным явлениям.

Исследование любого объекта или явления с позиций синергетики актуализирует его процессуальность, нестабильность и нелинейность развития. Если мгновенный срез традиции можно представить в виде широкого, но конечного списка зафиксированных артефактов, то в реальном бытовании любое фольклорное явление может рассматриваться как отдельная процессуальная стадия его эволюции. С этой точки зрения фольклорный текст как структурно-семантическое единство представляет собой временно организованный участок нелинейной среды, обладающий способностью перемещаться, перестраиваться в ней. И здесь важно понимать, что в самоорганизующейся системе «все течет и меняется» с двумя абсолютно разными скоростями и двумя разными способами. Эволюционная картина всей традиции выглядит как цепь чередований спокойных и сильно неравновесных периодов. Соответственно, система знает два динамических состояния, которые отличаются и по длительности, и по качеству.

Следуя общесистемному принципу, фольклорная традиция, как и любая неравновесная структура, однажды возникнув вследствие качественного скачка предшествующих последовательных эволюционных изменений, способна к длительному, квазиустойчивому существованию. Основные условия для сохранения такого состояния «устойчивой неравновесности»: открытость внешнему воздействию («постоянная подпитка») и автокатализ – т.е. внутреннее подкрепление флуктуаций (в нашем контексте – вариативности). Состояние «устойчивой неравновесности» фольклорной традиции можно определить как потенциальную готовность к изменениям, к адаптации. Эта потенциальная готовность (образно говоря – пластичность) и обеспечивается вариативностью, теми же фольклорными канонами, которые определяют параметры варьирования. Сохраняя свою пластичность, традиция обладает устойчивостью к малым возмущениям и способна восстанавливать неизбежно возникающие на разных участках «пробелы», деформации. Далее, под постоянным,

усиливающимся воздействием внешней среды (инокультурное влияние, давление исторических событий, вмешивающихся в жизнь традиции, экономические или даже экологические изменения и многое другое) эта неравновесность начинает стремительно возрастать – вариативность выходит «из-под контроля традиции» (опять же, образно выражаясь – традиция становится сверхпластичной, и достаточно любого случайного касания, чтобы придать ей новую форму). Когда это спонтанное, хаотическое разрушение существующих правил, канонов достигает критического, порогового значения, система скачкообразно переходит в новое, опять же квазиустойчивое, состояние с новыми, зачастую совершенно неожиданными параметрами порядка, имеющими вероятностный характер. Это явление в физике называется фазовым переходом, когда происходит скачкообразное изменение физических свойств при непрерывном изменении внешних параметров. Для фольклорной системы подобный фазовый переход может быть связан с возникновением новых ассоциативных структур: фоновых, лексико-смысловых, образных, межтекстовых, межжанровых и т.д. Эти структуры закрепляют новое квазиустойчивое состояние, возвращая на данном участке или уровне системы «контроль традиции». При этом важно, что любое заимствование, как чужеродный и случайный элемент, может стать причиной такого перехода, но возникающий «скачок» обусловлен параметрами самой системы. Другими словами, сколь бы непредсказуемым оказался этот переход, он так или иначе воспроизводит то, что уже заложено в системе, то есть самоповторяет ее свойства. С точки зрения философии, существование фазовых состояний и переходов обусловлено наиболее фундаментальными свойствами материи – способностью к взаимодействию, а также качественной и количественной определенностью ее форм.

В контексте новой научной парадигмы кажется очевидным, что фольклорная традиция обладает всеми качествами сложноорганизованной самоорганизующейся системы, поэтому синергетический подход к ее изучению может стать решающим стимулом к созданию общей, мультидисциплинарной

теоретической и методологической базы. Для того, чтобы ввести в научный обиход этот тезис, необходимо, прежде всего, посмотреть с новых позиций на имеющиеся в нашем распоряжении теоретические и практические наработки в области фольклористики. Открытость фольклорной традиции означает, что ей присущ постоянный обмен информацией с окружающей средой. Именно в умении принимать и усваивать новое заключаются жизнеспособность и разнообразие культурных традиций. Фольклорная вариативность во всех ее проявлениях есть не что иное, как автокатализ – внутреннее подкрепление флуктуаций, необходимых для самоорганизации. Именно вариативность актуализирует условия неравновесности, необходимые для эволюции самоорганизующейся системы.

Существенным параметром самоорганизации является нелинейность развития системы, т.е. ситуация, при которой состояние системы на каждом последующем шаге зависит не столько от начального состояния, сколько от непосредственно предшествующего, и развитие совершается через случайность выбора пути. Так реализуется многовариантность, альтернативность путей эволюции фольклора как системы.

Данное исследование представляет собой попытку «мягкого» перехода к синергетической парадигме и посвящено рассмотрению двух наиболее важных качеств любой самоорганизующейся системы – открытости воздействию среды и неравновесности. Как следует из названия работы, она имеет не только теоретический, но и прикладной характер. Большая часть исследования посвящена практическому применению ряда положений теории самоорганизации в анализе фольклорных инноваций: спонтанность возникающих изменений, роль случайности в развитии системных свойств, фрактальность, фазовый переход, самоорганизация заимствований. Собственно, в этом плане, одна из наших целей – это привлечь внимание исследователей к нереализованным или не до конца реализованным путям, которые имеются в современном научном дискурсе и которые могут оказаться полезными для построения общей теории фольклора.

Объектом исследования являются фольклорные инновации, связанные, прежде всего, с иноэтничными заимствованиями.

Предметом исследования – инновационные процессы, отразившиеся в становлении локальной специфики фольклорной традиции коми. Именно этот пласт инноваций может быть выявлен эмпирически, путем комплексного исследования конкретных фольклорных явлений, их инклюзивности, включенности в систему жизнедеятельности этноса. Такая конкретизация при всех минусах (то, что доказательно для одной локальной традиции, не подтверждает универсальности подходов и т.п.) дает ряд неоспоримых преимуществ:

– инновации, по определению, представляют собой наиболее поверхностный пласт культурного текста. Исследуя этот пласт, мы имеем возможность проникнуть в более глубокие слои, не теряя связи с фольклорной действительностью;

– инновация – это достаточно кратковременный процесс, соотносимый с доступными нам параметрами, поэтому, наблюдая за ее освоением, мы имеем возможность фиксировать динамику изменений, которые происходят в этот период в самой традиции;

– любое фольклорное (языковое) заимствование представляет собой своего рода «меченый атом», что позволяет проследить если не весь путь, то достаточно обозримый участок пути вхождения этой инновации в традицию;

– фольклорное заимствование, как чужеродный элемент, по определению, не обладает набором поэтических качеств, присущих исконным текстам (выработанными традицией способами формально-смысловой организации текстов). Это отличие дает возможность проследить процесс адаптации инновации к выработанным нормам, а также более конкретно зафиксировать этническую специфику фольклорной стилистики.

– выявив особенности освоения инноваций, определив некоторые алгоритмы их участия в процессах самоорганизации системы, мы обретаем возможность

нового видения эндогенных инноваций, возникающих на микроуровнях фольклорной системы.

Цель работы: исследовать фольклорные инновации и выявить роль инновационных процессов в механизмах самоорганизации фольклорной системы. Вся совокупность частных **задач** исследования, способствующих достижению его цели, объединяется в три взаимосвязанные группы.

- Первая группа задач связана с обоснованием синергетического подхода к фольклорной системе. Опираясь на теоретические наработки отечественной фольклористики (работы Б.Н. Путилова, В.Я. Проппа, К.В. Чистова, Е.М. Мелетинского, И.И. Земцовского и др.), дать фольклористическое наполнение основным понятиям синергетики:

- Обосновать открытость фольклорной традиции как необходимый для системы постоянный обмен информацией с окружающей средой. Именно в умении принимать и усваивать новое заключаются жизнеспособность и разнообразие культурных традиций.

- Обосновать сопоставимость понятий «фольклорная вариативность» и «автокатализ» – внутреннее подкрепление флуктуаций, необходимых для устойчивой неравновесности системы;

- обосновать сопоставимость понятий замысла фольклорного произведения и синергетического аттрактора как «квазицелей» системы, создающих упорядоченности на определенных участках;

- обосновать состояния устойчивой неравновесности и сильной неравновесности как двух основных составляющих эволюции фольклорной системы;

- обосновать понятие фазового перехода применительно к фольклорному процессу;

- обосновать роль и место случайных факторов в механизме перехода от состояния устойчивой неравновесности к состоянию динамического хаоса (сильной неравновесности);

- Вторая группа задач направлена на выявление специфики межэтнических взаимодействий, определивших особенности коми фольклорной культуры как объекта исследований. Здесь можно выделить две основные задачи:

- исследовать и обосновать специфику коми-русских фольклорных взаимосвязей, определивших основные параметры проникновения русских фольклорных заимствований в коми традиционную культуру;

- исследовать ижмо-колвинскую фольклорную традицию, возникшую в результате симбиоза северных коми-ижемцев и этнографической группы колвинских ненцев. На основе полученных данных обосновать комплексный, синергетический подход к межэтническим фольклорным контактам.

- Третья группа задач связана с практическим применением ряда положений теории самоорганизации в исследовании инновационных процессов: спонтанность возникающих изменений, роль случайности в развитии системных свойств, фрактальный принцип самоорганизации инновационных процессов. В связи с этим перед нами поставлена задача исследовать заимствования на самых разных уровнях фольклорной системы, на всех доступных наблюдению уровнях «масштабности». Эта задача, в свою очередь, распадается на ряд частных задач:

- опираясь на народную терминологию, исследовать процесс вхождения заимствований в сферу игрового фольклора;

- исследовать механизмы включения в повествовательную традицию заимствованных сюжетов;

- исследовать механизмы самоорганизации ритуально-магических инноваций;

- исследовать механизмы самоорганизации календарных инноваций.

Совершенно особую сферу инновационных процессов представляет заговорная традиция коми. В силу замкнутости, эзотеричности этой субкультуры, мы имеем самое обобщенное представление о ней. Соответственно, перед нами поставлены две задачи: рассмотреть эту подсистему культуры как целое, выявить в ней системообразующие факторы. На основе полученных представлений исследовать конкретные заговорные инновации, связанные с влиянием русской заговорной традиции и народной магии в целом:

- исследовать заговорную заумь как особое поле инновационных процессов, связанных с коми-русскими фольклорными контактами; реконструировать механизмы их самоорганизации;
- выявить и обосновать их системную роль в эволюции локальных фольклорных традициях;
- исследовать и обосновать взаимосвязь экзогенных и эндогенных процессов вхождения заимствований в традицию.
- На основе полученных данных исследовать иные эндогенные инновации как локальное проявление общих процессов самоорганизации, обосновать синергетические принципы их порождения.

В соответствии с общесистемными целями и задачами **материалом исследования** может быть названа вся традиционная культура коми в совокупности всех фольклорных, языковых, этнографических данных, полученных как из опубликованных и архивных источников, так и в результате многолетних полевых исследований локальных традиций коми и этнического пограничья (коми-русского, коми-ненецкого). Хронологические рамки этих материалов охватывают середину XIX – первые десятилетия XXI вв., которые и могут быть обозначены как период изучения коми фольклора. Специфике этого материала посвящена первая глава исследования.

Степень изученности темы. Представленное в диссертации синергетическое исследование фольклорных инноваций в традиционной культуре коми, выявление их роли в процессе самоорганизации фольклорной системы предпринимается впервые. Вместе с тем отдельные аспекты заявленной научной проблематики изучались в рамках различных научных парадигм, но никогда в данной целостности.

То, что разнообразие и жизнеспособность культурных традиций базируются на возможности принимать и усваивать инновации, сегодня представляется общепризнанным фактом. При всей своей оппозиционности и традиция, и инновация взаимосвязаны и взаимообусловлены: любая традиция

возникает первоначально как инновация, и ни одна инновация никогда не остается новшеством сколько-нибудь долгое время и может стать традицией.

На самом обобщенном уровне принято считать, что инновации могут быть двух типов – экзогенными (заимствованными из других культур) и эндогенными (возникшими в данной среде без влияния извне). Развивая и дополняя это положение, С.А. Арутюнов⁴ выделяет три способа вхождения инноваций в культуру: 1) спонтанная трансформация – это любая инновация, которая возникает внутри культуры за счет факторов ее собственного развития без влияний извне; 2) стимулированная трансформация – это инновация, которая, не являясь прямым заимствованием из какой-либо другой культуры, возникает под косвенным воздействием внешних обстоятельств; 3) заимствование – это инновация, которая связана с прямым внешним воздействием. По мнению С.А. Арутюнова, можно говорить о том, что на пути вхождения инновации в культуру она проходит четыре стадии: селекцию, воспроизведение или копирование, приспособление или модификацию и структурную интеграцию. Селекция заключается в отвержении одних инноваций (внутренних или привнесенных извне) и отборе других для последующего усвоения или переработки. Критерии этого отбора – необходимость такой инновации в данной сфере культуры, а также совместимость ее с традициями этноса или группы. Воспроизведение (копирование) – это ранняя, «пробная» стадия вхождения инновации в культуру. На этом этапе соответствующее нововведение как бы экспериментально принимается целиком, без каких-либо серьезных изменений. Если инновация находит отклик в культуре, начинается процесс ее модификации, «подгонки» под традиционные культурные формы, приспособления к специфике данного этноса. Этот процесс двусторонний: в нем изменяется не только сама инновация, но и традиционные элементы этнической культуры, вступающие с ней в контакт. И последний этап усвоения – это этап

---

⁴ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. - 247 с.

структурной интеграции, который преобразует инновации во что-то «свое», в часть этнической традиции.⁵

Согласно такому подходу, любое инокультурное воздействие проходит достаточно жесткий отбор и долгий путь вхождения, и в результате приживаются в культуре только те инновации, которые соответствуют ментальности и «картине мира» этноса-реципиента.

В переводе на современный язык именно на таком понимании взаимодействия культур основана концепция «встречных течений» А.Н. Веселовского, создающих условия и саму возможность заимствования. Согласно данной концепции усваивается лишь то, в чем есть потребность, причем предполагается обязательное наличие аналогий между воспринимаемой и воспринимающей традицией. Заимствование мобилизует возможности воспринимающей традиции, переорганизует имеющийся в ней фрагментарный материал (формулы, мотивы и пр.), рождая тем самым новое качество; усвоение всегда есть переделка и развитие в воспринимающей среде⁶.

Теория самоорганизации дает возможность по-новому взглянуть на энергетику процессов, происходящих в традиции, в том числе и на роль в этом спонтанных, случайных факторов. Любая инновация связана с внутрисистемными изменениями, поэтому само деление инноваций на два типа – экзогенные (заимствованные из других культур) и эндогенные (возникшие в данной среде без влияния извне) весьма условно. Исследуя ту или иную инновацию, мы можем сконцентрировать свое внимание на происходящих в системе преобразованиях случайного, спонтанного в системное явление. Любая инновация как своеобразная форма беспорядка и хаоса может стать толчком к изменению фрактальной траектории, выходу на новые параметры самоподобия.

---

⁵ Там же. С.174.

⁶ См.: Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX в. М.: Индрик, 1997. С. 355-370. Одна из последних попыток еще раз переоценить научное наследие А.Н. Веселовского предпринята в работе: Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи. Была ли завершена «Историческая поэтика»? // Вопросы литературы, 2002. № 4. // Вопросы литературы, 2002. № 4. С. 82-135.

Однако сколь бы ни случайны, причудливы были возникающие фрактальные кривые, мы всегда можем увидеть картину самоподобия, благодаря которым система сохраняет свою целостность и жизнеспособность.

Научная новизна предлагаемого исследования определяется новым ракурсом изучения объекта с позиции синергетического подхода.

– Впервые основные фольклористические понятия («фольклорная вариативность», «фольклорный замысел», «изменчивость и традиция», «фольклорные инновации») представлены как компоненты синергетического процесса эволюции фольклорной системы. Этот эволюционный процесс представлен как чередование двух динамических периодов: состояния устойчивой неравновесности и сильной неравновесности (динамического хаоса).

– Впервые обоснована ключевая роль заимствований в бифуркационных переходах, определяющих вероятностный характер дальнейшего развития фольклорной традиции. Выявление параметров порядка в случайных явлениях раскрывает специфику механизмов самоорганизации, саморегуляции фольклорной системы.

– В новой интерпретации представлены основные типы фольклорных инноваций, связанных с заимствованиями из русского фольклора. Выявлен широкий спектр инноваций, ранее не связываемых с процессом фольклорных заимствований и не рассматриваемых в таком контексте в силу очевидных для исследователей признаков автохтонности.

– Впервые порождение заговорной зауми рассмотрено как синергетический процесс, имеющий нелинейный, вероятностный характер. В ходе исследования этих инноваций выдвинуты две авторские гипотезы. Гипотеза первая: языковые трансформы, верифицируемые как заумь, могут возникать в результате компрессии грамматически правильного текста-источника (предтекста, прототекста) в ритмическую матрицу заговорного акта. Гипотеза вторая: компрессия прототекста в заговорный текст может иметь нелинейный характер и являться результатом особой стратегии передачи заговорного знания от учителя ученику.

– Впервые применительно к механизмам порождения фольклорных сюжетов применены принципы супрамолекулярной самосборки. Авторская концепция, развивающая идеи атомизма языка, в исходных своих параметрах соответствует механизмам самосборки на субмолекулярном уровне материального микромира. Соответственно, агрегация сюжетной структуры как «супрамолекулярного» образования рассмотрена как процесс структурирования его составляющих на основе возникающих в ходе аффективно-смыслового восприятия окружающей действительности «слабых», ассоциативных связей, комплементарных по форме или содержанию.

Поскольку данная работа, прежде всего, фольклористическая, **методологической и теоретической основой** исследования послужили классические труды по теории фольклора А.Н. Веселовского, В.И. Проппа, Б. Н. Путилова, К. В. Чистова, Ю.М. Лотмана, С.Ю. Неклюдова и ряда других. Для выявления и понимания инновационных процессов и могущих быть связанными с ними спонтанных явлений использована методика сквозного исследования фольклорно-этнографических, лингвистических, исторических материалов. При сборе полевого материала были использованы методы интервьюирования и включенного наблюдения. При изучении фольклорных нарративов применялись методы структурно-семантического, семиотического, фоносемантического, этнолингвистического анализа. В применение к отдельным фольклорным инновациям использованы также принципы лингвосинергетики и метод позиционного анализа, позволяющие дать объяснение процессам, протекающим в структуре конкретных текстов. С целью осмысления возможности интеграции синергетической методологии в область фольклористики нами были использованы: теория диссипативных структур (И. Пригожин), динамическая теория информации (Г. Хакен), системность в синергетике (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов; Г. Малинецкий), фрактальная геометрия (Б. Мандельброт), лингвосинергетика (И.А. Герман, В.А. Пищальникова), синергетическая теория текста (Г.Г. Москальчук, Н.А. Манаков), текстосимметрия (А.Ю. Корбут).

Теоретическим основанием синергетической концепции данного диссертационного исследования послужила синергетическая теория, ключевыми понятиями которой являются самоорганизация, открытые системы, нелинейность, устойчивая неравновесность, динамический хаос, бифуркация, эмерджентность.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Согласно концепции самоорганизации, фольклорная традиция, следуя общесистемному принципу, однажды возникнув вследствие качественного скачка предшествующих последовательных эволюционных изменений, способна к длительному, квазиустойчивому существованию только в непрерывном материально-энергетическом потоке. Неравновесность такой сложной системы, как фольклорная традиция, можно определить как потенциальную готовность к изменениям, к адаптации.

2. В контексте «устойчивой неравновесности» фольклорная вариативность выступает не только и не столько как единственная форма бытования фольклорного текста (и фольклорной традиции в целом), но и как единственная форма их саморазвития. Постоянные, спонтанные, неуправляемые изменения (флуктуации) на нижних уровнях системы обеспечивают стабильность на более высоких, таким образом традиция сохраняет то, что наиболее соответствует ее отношениям со средой.

3. Эволюционная картина всей традиции выглядит как цепь чередований спокойных и сильно неравновесных периодов. Когда традиция находится в квазистатичном состоянии, в ней ничего не происходит, и мы можем наблюдать только вариативность в пределах флуктуаций. Когда система входит в состояние сильной неравновесности (динамического хаоса), в ней начинается активное разрушение старых структур и возникновение новых. Вариативность выходит из-под «контроля традиции», возникает момент критической неустойчивости (точка бифуркации), когда прежний устойчивый, линейный и предсказуемый путь развития системы становится невозможным. В этот момент система перестраивается, выбирает один из возможных путей дальнейшего

развития, то есть происходит своего рода «фазовый переход» – скачкообразное изменение физических свойств системы при изменении внешних условий. Особую роль в этой критической точке играют случайные факторы. На микроуровне фазовый переход будет означать то, что в открытой и сильно неравновесной системе, когда неравновесность достигает какого-то порога, возникают отдельные островки, участки упорядоченности. Это происходит, когда все траектории системы на данном участке начинают стремиться к некоторому притягивающему уровню или области – к аттрактору. Устройство этих «притяжателей» сложно подвести под общее определение в силу многообразия их проявлений; в синергетической парадигме – это может быть некая область или структура, к которой начинают стремиться траектории развития системы. Сложные нелинейные системы могут обладать многими аттракторами. Достигнув в результате бифуркации квазиустойчивого состояния на одном участке, система выходит из-под влияния этого «притяжателя», начинает стремиться к другому аттрактору, так скачкообразно происходит ее эволюция.

4. С механизмами проявления аттрактора может быть связан ключевая для фольклорного творчества концепция замысла произведения. И «замысел» и «аттрактор» обладает рядом тождественных качеств. Прежде всего, и тот и другой – это не самоцель развития традиции, а никогда не достигаемая «квазицель», определяющая поведение системы. Особенностью «замысла» и «аттрактора» является спонтанность, незапланированность появления, они возникают как бы сами по себе. Самосборка подобной структуры происходит одновременно по всему полю ее возможных составляющих, однако отбору доступны только те формы, которые заложены в самой нелинейной среде. Набор таких аттракторов – возможных упорядоченных состояний дискретен – т.е. возможен переход не в любое состояние, а только в то, которое соответствует внутренним свойствам самой фольклорной системы. То есть переход к новой упорядоченности всегда скачкообразен. Возникшая под влиянием аттрактора спонтанная перестройка на нижних уровнях системы порождает новую

упорядоченность на более высоком иерархическом уровне. Эти новые структуры – в данном случае новые фольклорные явления и есть результат воздействия аттрактора-«замысла».

5. Основным источником, энергией для вхождения традиции в динамичное состояние является окружающая среда. Открытость фольклорной традиции позволяет ей постоянно подпитывать свою активность. Эта открытость влиянию среды говорит о том, что внешние стимулы могут инициировать возникающие в традиции изменения. Переход фольклорной системы в сильно неравновесное состояние напрямую связано с активизацией межэтнических взаимодействий. Для коми фольклорной традиции – это, прежде всего, контакты с русской культурой и инновационные процессы, связанные с заимствованиями из русского фольклора. Освоение заимствований имеет вероятностный характер, поскольку в состоянии сильной неравновесности любое заимствование может вызвать перестройку определенного участка системы, определить его дальнейшее развитие. В активном состоянии любая случайность может определить вектор дальнейшего развития того или иного участка традиции, в результате такой необратимости возникают уникальные и неповторимые явления с эмерджентными свойствами. Именно они создают черты специфичности данной локальной традиции.

6. Иноязычные заимствования как абсолютно чужеродные, маркированные для фольклорной системы элементы позволяют проследить взаимосвязи экзогенных и эндогенных, присущих данной фольклорной среде, процессов, связанных с освоением инноваций. Вхождение любой инновации связано с перестройкой того или иного участка традиции в соответствии с фрактальной структурой, присущей системе. Таким образом, все новое приобретает качество самоподобия традиции. Фрактальность направлена на синхронизацию циклов всех подсистем, однако в реальной картине бытования традиции всегда могут сосуществовать перестраивающиеся и спокойные участки и уровни. Какие-то жанры остаются «холодными» к инновациям, какие-то – проявляют в данный период свою активность.

7. Несмотря на разнородность анализируемого материала, механизмы освоения заимствований универсальны и могут иметь несколько степеней сложности, которые зависят как от качественно-количественных характеристик заимствуемого явления, так и от степени неравновесности традиции в данный момент. Наиболее простой уровень, который мы можем наблюдать, связан с ситуациями, когда абсолютно спонтанная односложная (на уровне одной лексемы) аттракция вызывает кумулятивный эффект, проявляя свойства системной случайности. Синергетически более сложным путем происходит освоение иноязычных фольклорных текстов, которое реорганизуют все уровни фольклорной системы. Даже при абсолютном незнании чужого языка, когда текст воспринимается как единый языковой объект – квазитекст с неопределенной семантикой («песня», «заговор» и т.п.), он в силу случайности вызывает хаотические «отклики» на микроуровнях фольклорного языка. Фоносмысловые аттракции, возникающие на уровне освоения иноязычных слов, вызывают перестройку на лексическом уровне, лексические аттракции перестраивают «чужой» текст, выявляя ключевые, опорные «слова», возникают ассоциативно-смысловые структуры, уже обладающие свойствами «автохтонности». Так возникают т.н. «кыдья роч» (русские с примесью) тексты с разной степенью деформированности лексического уровня заимствованных произведений. Далее, эти инновации могут сосуществовать параллельно с комиязычными фольклорными произведениями, обладая определенной «устойчивой неравновесностью», или подвергнуться дальнейшим трансформациям, соответствующим новым условиям бытования.

8. Глубоко проникновение русского языка в коми фольклорно-языковую среду проявилось в самоорганизации иноязычных инноваций в двуязычные фольклорные произведения, составившие особую субязыковую подсистему автохтонного фольклора. Наиболее ярко это явление наблюдается в области вербальной магии. Этот процесс также демонстрирует нелинейность развития фольклорной системы.

9. На отдельных участках микроуровней фольклорной системы может проявляться феномен самосборки как частный, узколокальный вариант самоорганизации, приводящей к формированию упорядоченных структур за счет взаимодействия между частицами данной среды, без внешнего специфического воздействия. В отличие от более широкого процесса самоорганизации, приводящей к установлению незатухающего «неравновесного состояния», самосборка приводит к появлению определенной конечной структуры. В филологическом контексте результатом такой эндогенной, обусловленной внутренними свойствами локальной среды, самосборки может стать фольклорный артефакт как структурированный объект. Представленная автором концепция самосборки сюжетной структуры, в исходных своих параметрах соответствующая принципам самосборки на субмолекулярном уровне материального микромира, может быть рассмотрена как одна из возможных аналогий синергетического процесса эволюции системы от неупорядоченности к порядку.

Достоверность исследования обеспечивается теоретическими положениями и методологическими принципами фольклористики, применением комплекса методов, адекватных цели, предмету и задачам исследования, сопоставлением полученных данных с результатами исследований других авторов, непротиворечивостью данных предварительного и основного этапов работы, репрезентативностью выборки текстов, использованием методов и приемов интерпретации текстов, выработанных не только фольклористикой и этнологией, но и этнолингвистикой, лингвистикой текста, лингвосинергетикой, культурологией.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в привлечении внимания исследователей к аспектам рождения синергетической концепции фольклорной традиции, основанной на классических представлениях о фольклоре и фольклорных процессах. Понятия «вариативность», «замысел фольклорного произведения», «изменчивость», «традиция и инновация»,

«вероятностность», в русле синергетической парадигмы обретают новое наполнение, расширяющее представление о фольклорном творчестве.

Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы при подготовке спецкурсов, лекционных и практических занятий по фольклору.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий, вузовских курсов по фольклористике, нацеленных на изучение общенаучных, системных представлений о возникновении и эволюции сложноорганизованных, самовозобновляемых систем.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в виде докладов на международных и всероссийских конференциях: Международной научной конференции «Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры» (г. Сыктывкар, 9-11 мая 1996 г.); Международной конференции «Финно-угорские народы: Проблемы этнической и языковой идентификации» (г. Сыктывкар, 1999 г.); Международной конференции «Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы» (г. Сыктывкар, 17-19 мая 2000 г.); Международном Конгрессе финно-угорских народов («Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum») (г.Тарту, Эстония, 7-13 августа 2000 г.); Международной научно-практической конференции «Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере» (Архангельск, 16-18 сентября 2002 г.); IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003» (г. Петрозаводск, 15-19 сентября 2003 г.); Втором Московском Международном Фестивале и конференции визуальной антропологии «Традиции и объектив. В Поисках цельности» (Москва, 24-28 мая 2004 г.); III Международном конгрессе финно-угроведов (г. Йошкар-Ола, 2004 г.); VI Конгрессе этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28-2 июля 2005 г.); V международной научной конференция «Семиозис и культура: методологические проблемы современного гуманитарного знания» (г. Сыктывкар, 17–18 апреля 2008 г.); Международном симпозиуме «Народная медицина в системе культурной адаптации населения

Европейского Севера: Итоги и перспективы междисциплинарных исследований» (г. Сыктывкар, 2008 г.); Международной конференции «Калевала в контексте региональной и мировой культуры (г. Петрозаводск, 2–4 июня 2009 г.); Втором Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Москва, 1–6 февраля 2010 г.); Международной конференции «Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы» (г. Сыктывкар, 2013 г.); Международной конференции «Семиозис и культура: интеллектуальные практики» (г. Сыктывкар, 30-31 мая 2013 г.); V Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (г. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.); Международной конференции «Estonian Folklorists' 12th Winter Conference» (г. Тарту, 2–3 марта 2017 г.); Международной конференции «Эпическое наследие народов мира: традиции и этническая специфика» (г. Якутск, 6—8 июля 2017 г.); IV Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Тула, 1–5 марта 2018 г.); Международной конференции «Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве» (г. Сыктывкар, 14-15 декабря 2018 г.); VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (г. Ижевск, 4–7 июня 2019 г.); II Сибирском форуме фольклористов (организатор: Институт филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, 18-20 октября 2021 г.); Международной онлайн-конференции «Финно-угорский музыкальный фольклор и XXI век: исследование, воспроизведение, ресурсы» (1-3 декабря, организатор: Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова, г. Петрозаводск.); III Всероссийской научной конференции «Чагинские чтения» (10–11 ноября 2023 г., г. Пермь); Всероссийской конференции «XIV Мелетинские чтения: Текст и историческая реальность» (г. Москва, РГГУ, 20 – 22 октября 2022 г.);

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, дана оценка степени научной разработанности проблемы, охарактеризованы источники, сформулированы цели и задачи исследования, определены его методологические основания, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов.

Глава 1 «Специфика инновационных процессов в фольклоре коми» посвящена постановке проблем синергетического осмысления инновационных процессов. **Первый параграф** «Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система: к постановке проблемы» раскрывает синергетическое понимание фольклорной системы. С опорой на теоретические наработки отечественной фольклористики дано фольклористическое наполнение основным понятиям синергетики. Открытость фольклорной традиции означает, что ей присущ постоянный обмен информацией с окружающей средой. Именно в умении принимать и усваивать новое заключаются жизнеспособность и разнообразие культурных традиций. Фольклорная вариативность во всех ее проявлениях есть не что иное, как автокатализ – внутреннее подкрепление флуктуаций, необходимых для устойчивой неравновесности системы. Обосновано понятие фазового перехода применительно к фольклорному процессу, определена роль и место случайных факторов в механизме перехода от состояния устойчивой неравновесности к состоянию динамического хаоса (сильной неравновесности). Обоснована системная роль инноваций в механизмах самоорганизации фольклорной системы. Обоснована сопоставимость понятий замысла фольклорного произведения и синергетического аттрактора как «квазицелей» системы, создающих упорядоченностей на определенных участках. Особое внимание уделено понятию фрактальности применительно к фольклорному творчеству.

Во втором параграфе «К специфике коми-русских фольклорных взаимосвязей» дана общая характеристика коми-русских межэтнических

контактов, обозначена их фольклорно-языковая специфика, определившая основные параметры фольклорных заимствований. Начало активных и так или иначе фиксируемых межэтнических связей коми и русских исследователи возводят к XII–XV вв.⁷ Это многовековое взаимодействие естественным образом отразилось на самых разных уровнях культуры, в том числе и в фольклоре коми. Противопоставление *коми/роч* ‘русский’ как реализация фундаментальной для традиционной картины мира оппозиции свой/чужой спроецировано на многие подсистемы коми традиционной культуры, но, несомненно, ключевая роль принадлежит языковым взаимоотношениям, прежде всего, в силу того, что язык не только отражает культуру и опосредованную этой культурой реальность, но и оказывает существенное влияние на оформление неязыковых кодов.

В качестве объекта для понимания синергетических принципов межэтнического взаимодействия **в третьем параграфе** представлена ижмо-колвинская фольклорная традиция, известная, прежде всего, в связи с открытием северно-коми эпоса. Она может быть рассмотрена как уникальный объект изучения процессов, связанных с рождением новой культуры с эмерджентными, ранее не присущими ни одной из контактирующих традиций, свойствами. Уникальность этой фольклорной культуры связана и с тем, что ее рождение и угасание происходило в исторически обозримом времени и пространстве. За короткий срок (конец XVIII – первая половина XIX вв.) произошло взаимооближение двух абсолютно разных культур: коми-ижемцы освоили оленеводство и мир оленеводов-кочевников, а колвинские ненцы перешли на оседлый образ жизни, переняли язык и обычаи ижемских коми. При этом ни один из процессов нельзя назвать специфически ижмо-колвинским, но именно в ситуации с коми-ижемцами и колвинскими ненцами эти процессы приобрели системный, синергетический эффект, вызвавший появление эмерджентных

---

⁷ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. М.: Наука, 1982. С. 117-156; Савельева Э.А., Клёнов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI-XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. Ч. 6. Гл. 4 / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК. 1997. С. 651-691.

свойств, ранее не присущих ни ненцам, ни коми-ижемцам. В контексте синергетической парадигмы все рассмотренные в этом разделе «надфольклорные» факторы глубоко взаимосвязаны и с жизнью фольклорной культуры как таковой. Соединившись в единый культурогенный импульс, они вызвали взрывоподобное (всего за несколько поколений) рождение новой фольклорной эстетики и уже не делимой на этнические слагаемые новой традиции. Возникла особая субкультура полукочевых оленеводов с уникально продуктивной фольклорной системой, биэтнической и билингвальной в своих истоках.

В главе 2 «Самоорганизация инновационных явлений» рассмотрен ряд конкретных примеров, демонстрирующих механизмы вхождения заимствований в самые различные уровни (подсистемы) фольклорной традиции. Несмотря на разнородность анализируемого материала, механизмы освоения заимствований достаточно универсальны и могут иметь несколько степеней сложности, которые зависят как от качественно-количественных характеристик заимствуемого явления, так, вероятно, и от степени неравновесности традиции в данный момент. Наиболее простой уровень, который мы можем наблюдать, связан с ситуациями, когда абсолютно спонтанная односложная (на уровне одной лексемы) аттракция вызывает кумулятивный эффект. **В первом параграфе «Образ радуги в фольклоре коми»** рассмотрена показательная во многих отношениях ситуация, связанная с образом радуги в коми фольклоре. В русле народной этимологии коми слово *ёшкамёшка* ‘радуга’ можно понять буквально как «бык с коровой» – *ёшка-мёшка*, что определенным образом подкрепляется и наличием омонимичных обозначений радуги (*енёш*, *енёшка* ‘радуга’, соответственно, можно перевести как ‘божий, небесный бык’). Эта аттракция «срабатывает» в заимствованном сюжете цепевидной вопросно-ответной песни-сказки с конструктами «Где вода? – Быки выпили. Где быки? – В гору ушли». Так возникают две равноправные версии одного и того же сюжета: «земная» версия с быком / быками-коровами и «небесная» – с образом радуги. В результате квазиэтимологической интерпретации образ радуги порождает цепь

совершенно случайных мифологических ассоциаций. В результате этой кумуляции вырастает совершенно типичная космологическая структура, в которой самые обычные образы начинают играть роль космогонических первообразов (здесь и небесные бык и корова, и небесная гора, космогоническая периферия, и первостихии «огонь», «вода», первопредметы и т.п.). В совокупности всех спонтанно возникающих фольклорных вариаций именно в коми традиции этот сюжет начинает представлять собой уникальную концентрацию в одном текстовом пространстве не только архетипичных концептов (огонь, вода, гора, небо) – они же мифологемы хтонических сил, но и широкого (а самое главное – открытого) списка культурных универсалий, представляющих собой иерархическую пирамиду архаичного порядка, соотносимых с первоначальным опытом структурирования Космоса.

Во втором параграфе «Горань» рассмотрена картина взаимодействия микро- и макроуровней традиции, объединяющая множество спонтанных вариантов адаптации заимствований в игровой традиции. В результате освоения заимствованного фольклорного текста, связанного с игрой «золото хоронить», многократно повторяемое слово «хороню» трансформируется в формулу-термин «гораньысь ворсны» (играть в «горань»). На лексическом уровне реализуется исконная морфологическая модель, под которую трансформируется иноязычное слово. Возникает паронимический аттрактор «*хороню* – *короню* – *гороню* – *горань*», который начинает «притягивать» доступные ассоциативные смыслы. В результате этого возникает ряд абсолютно случайных паронимических ассоциаций, многие из которых перерастают в квазиэтимологические мотивировки: *горань* – *горань* ‘банница’, *горань* – *син гуран* ‘глазная впадина, глазница’ (актуализирующая мотив слепоты), *горань* – *горань* ‘стряпуха’, *горань* – *гораань* ‘громкоголосая женщина’, *горань* – *Горка* (Усть-цилемские летние игрища). Таким образом к возникшему паронимическому аттрактору начинают «притягиваться» уже известные традиции фольклорные тексты, но в ином качестве, поскольку происходит смысловой перенос с содержания на форму: возникающие фоносмысловые ассоциации с текстами, которые в новой

структурной связке начинают обретать новые смыслы. Новый игровой термин *горань* вступает во взаимодействие с синонимичной игровой терминологией. На следующем уровне игровой термин трансформируется в обозначение всего игрищечного комплекса – *гораньясьны*. На макроуровне культурного текста *горань* уже становится неким инвариантным обозначением традиции (*горань* – горка). Таким образом, в результате спонтанного освоения инновации возникает организованный по фрактальному принципу интертекст, соединяющий несколько уровней традиции.

В третьем параграфе «Магический обряд на смерть «ректасем» рассмотрена ситуация трансформации заимствованного лечебно-магического обряда с типичной для многих традиций процедурой «вымеривания» болезни в смертельный обряд. В ходе анализа языковых, фольклорных и этнографических данных был выявлен широкий ряд эндогамных, «внутренних» предпосылок к возникшей инверсии «жизнь > смерть». Реконструированную здесь фрактальную структуру организует «сквозная» тема «человек – мера – смерть», которая разыгрывается на разных уровнях культурного метатекста и закрепляется в самом термине *ректасем* ‘опрастывание’. В эту «нишу» в результате заложенных «предпосылок» инкорпорирован и сам обрядовый текст. Таким образом, инновация входит в традицию в качестве еще одного слоя или структуры, придающей новое содержание «притянутым» по формальным признакам фольклорным фактам.

Еще один уровень «масштаба» наблюдаемых процессов самоорганизации предоставляет рассмотренный в **четвертом параграфе** заимствованный сюжет о варке сусла. Здесь на примере многих вариантов записи мы можем наблюдать и его развитие, и его разрушение. Возникший, вероятно, в двуязычной среде случайный перевод *судно* ‘посуда’ > *судно* ‘корабль’ порождает новый хронотоп сюжета, который находит совершенно иную мифопоэтическую проекцию. При заимствовании сюжета соблюдается его исходная формально-смысловая организация, но диалоговая часть – лексико-семантическое ядро сюжета не переводится на коми язык, а сохраняется как «русскоязычный текст в тексте».

В результате этого возникает двуязычный сюжет, который начинает обыгрываться как типичная ситуация столкновения двух знахарей: своего (коми) и чужого (русского). Соответственно диалог между ними становится микротемой словесного состязания в магической силе, а говорение на русском языке реализуется как переключение на магический язык.

Продолжая движение от частных проявлений к общим принципам самоорганизующейся системы, в **главе 3 «Календарные инновации»** рассмотрены три инновации, связанные с календарной обрядностью коми.

Первый параграф «Святочные духи и образ мороза» направлен на выявление взаимосвязи святочных представлений с одним из наиболее специфических мифологических образов коми-зырян – образом *трескучего мороза*, зафиксированного и в мужских, и в женских ипостасях. Имея достаточно скудные сведения об этом персонаже, мы, опираясь на общие принципы самоорганизации, попытались обобщить все имеющиеся в нашем распоряжении материалы о «зимней» – конкретнее – святочной мифологии во всех ее микролокальных воплощениях. Результаты проведенного исследования позволили сказать, что тема «трескучего мороза» стала общим аттрактором и для мифологического образа *трескучего мороза* и для микролокальных представлений о святках. Совершенно традиционный набор святочных мотивов и представлений начинает выступать в абсолютно ином качестве, наполняется новым смыслом: святки становятся метонимическим обозначением святочных морозов, активизация святочных духов – активизацией мороза, «деревянный шум» – метонимией «трескучего мороза», треск расщепляемых и ломаемых лучин – оживающего демона; арготическое *шинпуля*, восходящее к локальному наименованию святочного духа, становится метонимическим обозначением мороза. Принципиально важно, что этот аттрактор «сработал» именно в условиях высокой степени нестабильности коми фольклорной традиции и, соответственно, вариативной неустойчивости микролокальных календарных представлений.

Еще одна календарная инновация, рассмотренная во **втором параграфе**, связана с абсолютно случайным попаданием в контекст календарных представлений имени Демьян Бедный. В результате проведенного исследования выявлено, что этот окказиональный хрононим был «предопределен» целым рядом мотивировок, уже характерных для осеннего дня Кузьмы-Демьяна, обозначив своим именем аттрактор «Демьян – бедность», вызвавший перестройку широкого спектра традиционных представлений о календарной дате. Здесь и адаптация к хозяйственной деятельности и гендерное «перераспределение», закрепившее за этой осенней датой статус всеобщего женского праздника с братчинным пиром, символизирующим завершение земледельческого года и переход к потреблению накопленного урожая – «богатства». Здесь и амбивалентное отношение к осеннему богатству, проецируемое на регламентацию брачных отношений. Здесь и собственно языковые аттракции, между кузьма-демьяновским двузначным *во* ‘год/ урожай’, «каस्याновым годом» и «демьяновым месяцем», выдвигающие на первый план мотивы «бедности-несчастья», «случайно» зафиксированные в микролокальном хронониме Демьян Бедный. Так, из множества несвязанных и случайных факторов возник общий вектор самоорганизации на данном участке системы.

Как дальнейшее развитие темы спонтанности инновационных процессов, в **третьем параграфе** рассмотрена еще одна календарная инновация, связанная с совпадением *Степанова дня* (дата успения св. Стефана Великопермского 9 мая н.с.) с Днем Победы. Эта случайность породила сюжеты о «Степановом дне Победы», а в коми традиционной картине мира *Степанов день*, едва ли не в первую очередь, стал ассоциироваться с темой Победы в Великой Отечественной войне. Рассмотрев некоторые нововведения в цикле преданий о Стефане Пермском, мы выявили достаточно широкий ряд эндогамных, «внутренних» предпосылок к появлению новых мотивов и сюжетов. Перед нами одна и та же «сквозная» метафора «великий», разыгрываемая (самоповторяемая) на разных уровнях культурного метатекста. Именно в эту «нишу», опять же в результате заложенных «предпосылок», инкорпорированы все инновации, связанные с

образом «победителя». Выявленные нами самоповторы метафоричны по отношению к друг другу, а возникающий в результате такой самоорганизации образ Степана Великого метафоричен по отношению к историческому прототипу. В синергетическом понимании эта метафоричность и есть проявление фазовых переходов, в результате которых возникает новый параметр порядка на определенном участке системы, а сам концепт «великий» сыграл роль аттрактора для данного участка фольклорной системы.

Глава 4 «Самоорганизация заговорных инноваций» посвящена инновационным процессам, связанным с одним из наименее изученных пластов коми фольклора – заговорной традиции. С одной стороны, в традиционной культуре существовали и существуют достаточно жесткие установки к использованию и трансляции магических знаний. С другой – вовлеченная в сферу активных межэтнических фольклорных взаимодействий заговорная традиция испытывает на себе те же механизмы самоорганизации, обнаруживает ту же фрактальность. Именно благодаря фрактальному принципу в эзотерической традиции возникают новые «ниши», в которые органично «вписываются» инновации.

Первый параграф «Фрактальная организация заговорной традиции *нимкыв видзем*» посвящен реконструкции концептуальных составляющих вербально-магических представлений коми. Выявлено, что под влиянием инноваций заговорная традиция *нимкыв видзем* стала представлять собой многоуровневую и многократно продублированную концептуальную картину, соответствующую фрактальному принципу самоорганизации. В результате такого фрактального структурирования в метатексте заговорной традиции возникают «самоподобные» текстологические «ниши», которые заполняются заговорными инновациями: заимствуемыми русскими заговорными текстами, молитвами, новыми нарративами, возникающими на основе синтеза традиционных знаний. Выявлен целый ряд возможных составляющих концепта *нимкыв видзны*, на которые исследователи еще не обращали внимания: это и возможная этимология *нимкыв* ‘заклинание, заговор’, ритуально-магическая

линия развития представлений о *нимкыв* – славе, профилактическая основа традиции *нимкыв видзны*, выводящая к мифоритуальным установкам социума на сохранение физической и духовной «целостности», «текстологические» детерминанты, связанные со спецификой самих заговорных текстов и многое другое. Однако при всех этих нововведениях традиция сохраняет свою структурную идентичность.

Второй параграф «Самоорганизация заговорной зауми» посвящен одной из наиболее проблемных составляющих заговорной традиции, связанной как с освоением русскоязычных заговоров, так и с реализацией магического «иноязычия», в качестве которого используются знания русского языка. Постановке этой проблемы посвящен **первый раздел** этого параграфа.

Одна из отмеченных нами «текстологических» детерминант основана на соотносении буквального значения *нимкыв* с зафиксированными в коми традиции «номинативными» заговорами. Выше нами уже было проанализировано несколько коми заговорных текстов, обладающих специфическими признаками. Прежде всего, это их номинативный принцип, при котором заговор представляет собой набор ключевых для данного ритуально-магического контекста слов-имен. Именно в силу этого рассмотренным заговорным текстам присуща особая перформативность, восходящая к наиболее архаичным представлениям о магической тождественности имени и объекта. В соответствии с выявленной «текстологической» линией термин *нимкыв* может быть соотношен с определением самого текста: «текст, содержащий имена ключевых (для данного ритуала) объектов». В связи с этим особый интерес представляет достаточно распространенный кумулятивный сюжет «Пан тшын» (Дым жреца), названный так по одному из наиболее устойчивых образов. Рассматриваемый сюжет проявляет, с одной стороны функциональную, да и лексическую неопределенность, а с другой – удивительную устойчивость. В коми традициях этот сюжет зафиксирован в самых различных жанровых версиях. Исследованию одной из них и посвящен **раздел 2 второго параграфа**. Все анализируемые тексты представляют собой «номинативную» заумь, а

начинающий этот ряд глагол *тшынасе* ‘дымится’ – своим грамматическим значением времени (всегда настоящее время) задает дискурсивный план всему тексту. Поэтому можно говорить об абсолютной тождественности нарративного (повествовательного) и дискурсивного (воспроизведения, речи) режимов. Для заговорных текстов эта перформативность и определяет его магическую функцию, когда произнесение становится равным творению. Соответственно, зачин «На той стороне дым дымится» в потенциале уже содержит и задает прагматическую установку на пространственно-временную перекодировку мира. Вся последующая вопросно-ответная часть может быть рассмотрена как реализация этой прагматики; при этом, несмотря на заумность текстов, пространственный код здесь достаточно ясно выражен и на лексическом уровне. В анализируемых заговорных текстах можно выделить целый ряд пространственно-ориентированных объектов: *эта сторона / другая сторона – верх – небо (бог) – (гора, холм) – лес – река/ реки - стол – ловушка*. Такая пространственная «композиция» соотносима с известным композиционным приемом сужения образов, только здесь «язык пространства» дублирует вербально выраженный мотив собирания добычи к ловушке. Кроме того, в соответствии с заданной инициальной формулой кодом все эти локусы в совокупности могут быть интерпретированы как свернутая схема космического порядка, воплощаемая по мере исполнения заговора.

В разделе 3 второго параграфа «К специфике самоорганизации заговорной зауми» проанализирован еще один заговорный текст, связанный с детской промысловой практикой и, соответственно, с «культурообразующей» для коми-зырян сферой охотничьей магии. Он представляет собой достаточно типичную для традиции контаминацию коми и русских компонентов, но при этом его автохтонность сложно подвергнуть сомнению. Это заговор на клестов, используемый в подростковой промысловой практике, произносится при установке силков: *Кальцы кальцы сюр-ньыр сюр-ньыр, сер борд сер борд нам белогом дам садись*.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что все уровни «неправильностей» данного текста взаимообусловлены и, по всей видимости, вторичны по отношению к ритмической структуре заговора. Таким образом, именно ритм как динамический фактор текстообразования порождает и организует заговорный текст. На основе предварительных выводов сформулирована гипотеза: языковые трансформы, верифицируемые как заумь, могут возникать в результате компрессии грамматически правильного текста-источника (предтекста, прототекста) в ритмическую матрицу заговорного акта. Под ритмической матрицей понимается сложноорганизованная, фиксированная структура ритмических подсистем: метрико-ритмической, звукоритмической, ритмомелодической и других размерностей. В контексте синергетической концепции языкового текста наше определение ритмической матрицы может быть опосредовано синергетическим представлением о метроритмической матрице, понимаемой как ритм самой структуры целого. Метроритмическая матрица встроена в текст и неосознанно воспроизводится человеком.

В разделе 4 второго параграфа «К проблеме самоорганизации зауми: метроритмическая матрица как структура-аттрактор» полученные аналитические выкладки применены к еще одному заговорному тексту, «чужеродность», то есть русскоязычность, которого столь же очевидна, как и автохтонность предыдущего. Здесь проанализирован один из типичных промысловых заговоров («заговор на то, чтобы ястреб/коршун не поедал дичь из силков и слопцов»), возникших в результате синтеза вербально-магических знаний. При этом в нем нет ни одного коми слова, заговорный текст составлен из фрагментов какого-то русскоязычного прототекста (или прототекстов), «собранных» воедино по определенной логике и поэтической «матрице».

В разделе 5 второго параграфа «К проблеме самоорганизации зауми: гипотеза порождения заговорного текста» рассмотрен еще один заумный заговор, связанный с традиционной магико-медицинской практикой. Судя по действиям, сопровождающим заговаривание, перед нами вариант распространенного в коми традиции магического лечения от сглаза – *воמידз*, в

котором опрыскивание и отпаивание заговоренной водой могут взаимодополнять друг друга. Исследуемый текст состоит из двух отличающихся и по формальным и по смысловым признакам частей (Микротекстов): Микротекст 1 – явно деформированный до морфологической зауми фрагмент русскоязычного текста; Микротекст 2 представляет собой грамматически правильное предложение на русском языке: «Святого сын под забор упал», представляющее собой синтаксическую заумь. Реконструированные нами компоненты заговорного прототекста демонстрируют нелинейный характер его трансформации в конечный текст. Часть заговора (Микротекст 2) представляет собой лексико-синтаксически верифицированную как «русскоязычное предложение» комбинацию компонентов формул «Во имя отца и сына и святого духа» и «Спасова рука». Первая часть заговора представляет собой микротекст с деформированной лексико-семантической структурой (морфологическую заумь), также верифицируемый как русскоязычный.

В результате проведенного исследования выдвинута еще одна гипотеза порождения подобных текстов: компрессия прототекста в заговорный текст может иметь нелинейный характер и являться результатом особой стратегии передачи заговорного знания от учителя ученику. В силу определенных психофизиологических установок и ограничений ученик не запоминает сам заговорный текст, а воспроизводит более глубинные уровни магико-ритуального перформатива, связанные с ритмической матрицей. И уже в эту матрицу, воспроизведенную его сознанием, встраивается новый вербальный ряд, собранный из компонентов текста-источника, зафиксированных кратковременной памятью обучаемого. Можно предположить, что словесный текст конструируется – самособирается «снизу вверх», то есть от звуко-ритмических ассоциаций к слоگو-ритмическим, морфемо-ритмическим (из слоگو-ритмических ассоциаций собираются морфологические подобия), лексико-ритмическим (из морфологических соответствий собираются лексические подобия), и далее лексико-синтаксическим. Первая часть текста «застывает» на предпоследнем уровне, превращаясь в морфологическую заумь.

То есть «заумность» – это результат компрессии словесного материала в ритмическую структуру, и в идеале, новый текст мог бы полностью соответствовать доминантным нормам связности и цельности.

Таким образом мы переходим к еще одной составляющей синергетической концепции, связанной с «техническими» проблемами порождения фольклорных текстов. Этим проблемам посвящена **Глава 5 «Самосборка сюжета в фольклоре»**.

Понимая общие принципы самоорганизации всей системы в целом, мы можем перейти от макроуровней системы к ее микроуровням, связанным с возникновением и вхождением в общую фольклорную систему сюжетных инноваций, проявляющих те же принципы самоорганизации на локальном участке традиции. В самом общем смысле самосборка – это локальная самоорганизация на одном из иерархических масштабных уровней на основе свойственных этому уровню взаимодействий. Для самоорганизации характерны понятия бифуркации и потери устойчивости, приводящей к установлению незатухающего процесса, аналога которому нет в методологии процесса самосборки. Самосборка – процесс, в котором принимают участие только компоненты конечной структуры, т.е. включаемые в собирающуюся структуру. Результат самосборки – это некоторая конечная структура. В нашем филологическом контексте результатом самосборки может стать фольклорный артефакт как структурированный объект. В данной главе мы сконцентрируемся именно на технологии сборки подобных фольклорных артефактов.

Современное понятие «самосборка» выводит нас, прежде всего, к исследованиям в области биохимических процессов, т.е. к атомарно-молекулярному уровню нашего физического мира. Изоморфизм языковой системы и физического микромира, основанный на древних представлениях об атомизме языка, и сегодня является активно разрабатываемой зоной поиска новых интегративных концепций и гипотез. Современное понятие «самосборка» выводит нас, прежде всего, к исследованиям в области биохимических процессов, т.е. к атомарно-молекулярному уровню нашего физического мира.

Изоморфизм языковой системы и физического микромира, основанный на древних представлениях об атомизме языка, и сегодня является активно разрабатываемой зоной поиска новых интегративных концепций и гипотез. Однако в силу целого ряда причин текстологические исследования последних десятилетий развивались по пути умножения «атомарно-молекулярных» сущностей, что привело к появлению огромного числа дефиниций, в совокупности представляющих вербальный – и уже – художественный текст как объект исследования. Это начисто обесмысливает любую попытку представить его инвариантное устройство. Между тем, простое продолжение аналогий между двумя системами позволяет говорить о том, что в общем иерархическом тождестве вербальные тексты представляет собой объекты следующего, супрамолекулярного (надмолекулярного) уровня, обладающего своими специфическими характеристиками⁸. Дальнейшее развитие этого тезиса открывает и определенное сходство принципов и механизмов агрегации «субмолекулярных» объектов, связанных с понятиями «слабые, нековалентные взаимодействия» и «комплементарность». В отличие от привычных молекул, в которых атомы объединены валентными связями, в супрамолекулах удерживание отдельных фрагментов происходит за счет совершенно иных – вторичных, нековалентных межмолекулярных взаимодействий. Образование супрамолекул подразумевает комплементарность (геометрическую и химическую взаимодополняемость) составляющих ее элементов, называемых молекулярными рецептором и субстратом. В молекулярной биологии наиболее распространено понятие структурной комплементарности по принципу «ключ – замок». Общеизвестная модель двойной спирали ДНК основана на таком типе комплементарности четырех азотистых оснований. Формирование супрамолекулярных ансамблей может происходить самопроизвольно – такое явление называют самосборкой. Под самосборкой понимается процесс, в

---

⁸ Лен Ж.-М. Супрамолекулярная химия. Концепции и перспективы. Новосибирск: Наука, 1998. – 334 с.; Зоркий П. М., Лубнина И. Е. Супрамолекулярная химия: возникновение, развитие, перспективы // Вестник Московского Университета. -. Химия 1999. – Т. 40, № 5 . С. 300-307.

котором небольшие молекулярные компоненты самопроизвольно соединяются вместе, образуя намного более крупные и сложные супрамолекулярные агрегаты.

В переводе на язык лингвистики – агрегация текста как «супрамолекулярного» образования может быть рассмотрена как процесс структурирования его составляющих на основе «слабых», ассоциативных связей, комплементарных по форме или содержанию. В соответствии с предлагаемой интерпретацией ассоциативно-смысловые связи, участвующие в создании «супрамолекулярного» макрообъекта–текста, «текстогенны» по своей «физике». Такое положение отвечает исходным постулатам текстоцентрического подхода в исследованиях вербальных ассоциаций. В рамках этого подхода ассоциативное поле рассматривается не просто как совокупность всех слов-реакций на определенный стимул, а как совокупность различных текстов-реакций (или фрагментов таких текстов), которые так или иначе вступают в парадигматические отношения со словами – стимулами⁹. Ну и что не менее важно в контексте фольклористических исследований – «супрамолекулярная» интерпретация еще раз возвращает к исходным представлениям об ассоциативно-образном характере художественного слова, проявляющем текстообразующую сущность заложенных в тексте ассоциативных связей. Несомненно, структура художественного произведения представляет собой сложнейшую иерархию ассоциированных структур, в число которых входит и структура сюжета. Одному из возможных путей ее порождения и посвящена данная глава.

В качестве исходного объекта анализа был выбран сюжет предания об убийстве князя Василия Вымского (**Раздел 1 первого параграфа**). Помимо того, что в фольклорной традиции бытуют предания об этом событии с четкой

См. об этом: Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: ЛГУ, 1989. – 184 с.; Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: языкознание и порождение речи. М., 1991. С. 221-237; Овчинникова А.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь: Изд-во ПГУ, 1994. – 398 с.

фиксацией места убийства (место могут показать и сейчас), факт убийства князя в 1480 г. зафиксирован в письменном источнике XVI века – Вычегодско-Вымской летописи¹⁰. Таким образом, возникает уникальная возможность сопоставить фольклорную и историческую версии этого надежного по аргументации события местной истории. Однако проведенное нами исследование привело к парадоксальному выводу: в исторической действительности никакого строительства «города на Турею» не было, и вымичане не убивали князя Василия Вымского. Сюжет об этом историческом событии имеет чисто фольклорные корни и возник в результате народно-этимологического осмысления случайно оказавшихся рядом топонимов *Кар яз* ‘городищенский бор’ и *Васес виям* ‘проток в водоем-васес’.

Раздел 2 первого параграфа «Самосборка сюжета предания об убийстве Василия Вымского» посвящен выявлению механизмов порождения этого уникального сюжета. Согласно наиболее общему представлению о жанре преданий, структурным стержнем этого вида повествований выступает событийный сюжет – как определенный способ художественного осмысления, организации событий. В анализируемых текстах есть устойчивый событийный ряд, организованный сюжетом, – последовательная цепь событий, связанных и в пространстве-времени и причинно-следственной логикой. Кроме того, в нашем распоряжении есть исходный событийный компонент, связанный с переосмыслением гидронима *Васес виям*. Чтобы попытаться понять, как возник сюжет, мы попытались повторить тот путь, который должно пройти нарративное сознание, направляемое сюжетным «вектором» с известной начальной координатой. Отталкиваясь от обоснованных в начале этой главы принципов субмолекулярной самосборки, мы представили искомую последовательность в виде пошагового движения «снизу вверх», т.е. от микрокомпонентов к макроконструкции всего сюжета. Гидроним *Васес* виям* ‘проток из водоема-васес’ под воздействием паронимических аттракций деэтимологизируется в

---

¹⁰ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Выпуск 4. С. 257-271.

микротопоним *Vases vийõм шор* 'ручей, где убили Васю/ Василия'. Получив такую событийную предикацию, т.е. превратившись в свернутый топонимический мотив «место убийства Василия», эта связка начинает структурировать вокруг себя ассоциативно-смысловое поле, контуры которого определяются тем, что мотив убийства уже обладает минимальным набором предикативных позиций и минимальной топологией (определенная событийная последовательность «до» – «после»), к которой необходимо подобрать подходящий хронотоп. Далее, вокруг этой связки-мотива возникает событийная матрица «инициальная ситуация – причинно-следственная связь – финальная ситуация» с «пустыми» позициями, которые заполняются в ходе дальнейшего ассоциативно-смыслового развертывания. Эта событийная матрица уже обладает определенной логической структурой, поскольку финальная субъектно-объектная триада (субъект S – действие A – объект O) формирует свое «зеркальное» отображение – т.е. инициальная часть потенциально обладает подобной же субъектно-объектной «триадой», но зеркально противопоставленной ($S^{-1} - A^{-1} - O^{-1}$), как, собственно, начало и конец. Соответственно, возникают контуры некоего анти-события с анти-ролями (т.е. меной субъектно-объектных позиций). Таким образом, мы уже имеем исходную конфигурацию инициальной части: если финал связан с убийством, то в антропоцентрической проекции начало каким-то образом должно быть связано с рождением; если в финале Василий – объект убийства, то в инициальной части – он субъект действия «рождение». Далее, в результате несложных ассоциативных аттракций возникает общий контур искомого нами событийного ряда: некто Василий строил город в местечке *Кар яг* и его убили у ручья *Vases vийõм шор*, который становится единой ассоциативно-смысловой структурой. Эту структуру можно уже записать в виде логически связанного выражения: Один сильный человек по имени Василий совершает зачатие-строительство города из камней в местечке *Кар яг* – много слабых жителей разрушают-расчленяют Василия на части с камнем у ручья *Vases vийõм шор*. Так возникает насыщенный конкретными деталями каркас «протосюжета», который может

быть развернут в рассказ об убийстве Василия-строителя. Далее, уже в ходе рассказывания нарративное сознание расщепляет двоичную структуру сюжета и превращает ее в линейный текст повествования.

Таким образом, сконструированная нами структура сюжета весьма точно отражает принципы супрамолекулярной самосборки, и позволяет перейти к новому, «надмолекулярному» взгляду на сложноорганизованную структуру художественного текста.

Во втором параграфе «Самосборка демонологического сюжета и измененные состояния сознания» мы сконцентрировали внимание на процессах, происходящих в нарративном сознании носителя традиции в момент порождения того или иного сюжета. Отталкиваясь от «лингвистической относительности» любых описаний измененных состояний сознания (ИСС)¹¹, мы попытались сконцентрировать внимание на том, как эти описания отражаются в демонологических рассказах. Аналитическим материалом наших изысканий послужили охотничьи былички коми-зырян, повествующие о контактах охотников с миром сверхъестественного и необъяснимого. Мы проанализировали с этих позиций один из демонологических сюжетов самой распространенной темы «охотник устраивается на ночь в лесной избушке и сталкивается с демоническими существами» и, характерной для этой группы сюжетов ситуации отхода ко сну. Краткое содержание анализируемого текста типично: охотник в своей охотничьей избушке ложится спать, глядя на мерцающие угли печки; вдруг перед его глазами начинают кружиться женщины в длинных черных сарафанах; охотник вспоминает, что надо делать в такой ситуации; он пропускает сквозь свою рубаху несколько горячих углей (совершает известные ему магические действия); видение исчезает.

Исходная ситуация, описанная в данном тексте, соответствует ситуации попадания человека в ИСС, пограничное между бодрствованием и сном: человек

---

¹¹ Спивак Д. Л. Лингвистика изменённых состояний сознания. Л.: Наука, 1986. – 92 с.; Спивак Д.Л. Изменённые состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Издательский дом Ювента; Филологический ф-т СПбГУ, 2000. – 296 с.

находится в состоянии полного покоя, близкое к состоянию сна (лег, закурил, стал смотреть на огонь). На фоне мерцающего огня возникает галлюцинаторный образ мелькающих черных сарафанов, порожденный мерцающим огнем очага (мелькающий вертикально удлинённый черный низ + светлый верх (имплицитно представленный более светлыми лицами «женщин»). Что происходит дальше? Сознание (еще не уснувшее) пытается осмыслить переживаемое видение, т.е. соотнести ворвавшихся в объективное (психическое) пространство «женщин в черных сарафанах» с образом самого охотника, спокойно лежащего в избушке. Далее возможно несколько сценариев развития: возникшее психоэмоциональное напряжение просто «будит» человека, «включает» режим максимальной мобилизации ресурсов организма с последующими эмоциональными реакциями (тревога, паника, страх, ярость, агрессия) или вызывает психотическую реакцию паталогической направленности. Однако в данном случае происходит нечто абсолютно иное: когда психоэмоциональное напряжение достигает определенного порогового состояния, языковое сознание (измененное) переключается в нарративный регистр и порождает сюжетную реальность, непротиворечивым образом разрешающую психологический (когнитивный) конфликт. Переключение в нарративный регистр и может быть определено как подключение к событийной матрице, которую мы рассмотрели в предыдущем параграфе. «Прорастающие» на этой матрице две комплементарные части становятся двумя сюжетобразующими ситуациями: инициальной ситуацией, где главным действующим лицом становится демон и финальной – с человеком в главной роли. Необходимая для событийной матрицы «причинно-следственная связь» в данном случае и есть тот самый магический обряд «пронимания», возникающий из этой же комплементарной структуры. Таким образом, возникающий событийный ряд четко связан и в пространстве-времени и причинно-следственной логикой. Т.е. перед нами обоснованная с точки зрения каузальности и правдоподобная с жизненной точки зрения нарративная реальность. Это состояние сознания, в котором происходит полное слияние нарративной (художественной) и физической реальностей мы определили как

«нарративный транс». Рассмотренные далее демонологические сюжеты выдвигают на первый план проблему нарративного сознания. Гипотетически событийная матрица (или набор подобных событийных матриц) представляет собой заложенный в человеческом (когнитивном) сознании фокус нарративного осмысления окружающего мира в виде связанных между собой событий.

В Заключении подводятся общие итоги и рассматриваются перспективы работы.

Обозначив ряд фольклористических тем, нуждающихся в переосмыслении, мы попытались сконцентрировать внимание на общей проблеме очевидного сегодня противостояния теории и практики. Если согласно теории, фольклор жив настолько, насколько он сохраняет установки на традиционность, на каноны, то в реальности – фольклор жив настолько, насколько он сохраняет способность изменяться, соответствовать духу времени. Два этих противоположных качества – повторяемость и изменчивость – уживаются только в открытых, сильно неравновесных сложноорганизованных системах, способных к самоорганизации. Этот постулат может и должен стать исходным при обращении к изучению динамики развития фольклорной традиции.

С точки зрения эволюции все фольклорные инновации как чужеродные, случайные элементы являются дестабилизирующим фактором, разрушающим достигнутое системой или данным участком системы состояние равновесности. Степень воздействия этих «случайностей» напрямую зависит от состояния системы в данный момент. В состоянии устойчивой неравновесности такая «случайность» может быть «погашена» системой и никак не проявиться. Если данный участок системы был близок к «пороговому» состоянию, то заимствование может стать бифуркационным стимулом, определяющим дальнейшее развитие. Однако в любом случае дальнейшее состояние предопределено свойствами самой системы, и выбор пути зависит от возможностей самой фольклорной среды.

Вхождение любой инновации связано с перестройкой того или иного участка традиции в соответствии с фрактальной структурой, присущей системе. Таким образом, все новое приобретает качество самоподобия традиции. Фрактальность направлена на синхронизацию циклов всех подсистем, однако в реальной картине бытования традиции всегда могут сосуществовать перестраивающиеся и спокойные участки и уровни. Какие-то жанры остаются «холодными» к инновациям, какие-то – проявляют в данный период свою активность. В активном состоянии любая случайность может определить вектор дальнейшего развития того или иного участка традиции, в результате такой необратимости возникают уникальные и неповторимые явления. Именно они создают черты специфичности данной локальной традиции.

Мы рассмотрели достаточно широкий ряд явлений, связанных с вхождением заимствований в самые различные уровни (подсистемы) фольклорной традиции. Несмотря на разнородность анализируемого материала, механизмы освоения заимствований достаточно универсальны и могут иметь несколько степеней сложности, которые зависят как от качественно-количественных характеристик заимствуемого явления, так, вероятно, и от степени неравновесности традиции в данный момент. Вероятно, любое чужое слово или текст, осваиваемое традицией, так или иначе, вовлекается в звуко-смысловые связи с исконными словами и текстами, приобретая, таким образом, новый смысл, понятный и «знакомый» традиции. Когда возникает фоносемантическая доминанта, которая в русле синергетического процесса может быть определена как аттрактор, она начинает направлять процесс дальнейшей перестройки, вносить коррективы в предыдущее состояние фольклорно-языковой картины мира, создавать новые смыслы, которых не было ни в языке-доноре, ни в языке-реципиенте.

Исходя из того, что в наши аналитические выкладки были вовлечены и собственно коми и иноязычные фольклорные явления, можно утверждать, что для механизмов самоорганизации между ними нет принципиальной разницы. Гораздо более важным фактором становится их отношение к действующим

аттракторам, что определяет местонахождение в общей фрактальной картине. Поскольку рассмотренные нами заимствования еще не утратили своей чужеродности, находятся «на поверхности» традиции, мы еще в состоянии более или менее наглядно увидеть следы их самоорганизации. По мере обращения к более глубоким слоям культуры, спектр наших возможностей и аналитических результатов резко уменьшается, и в перспективе дальнейшие изыскания в этом направлении потребуют более тонких и точных инструментов. Собственно, данное исследование только намечает подступы к более серьезным и глубоким исследованиям отдельных феноменов фольклорной культуры. Одна из таких перспектив связана с изучением коми заговорной традиции, синергетические «ключи» к пониманию которой только обозначены.

Здесь перед нами возникает необходимость пересмотра исследовательских позиций. С одной стороны, в традиционной культуре существовали и существуют достаточно жесткие установки к пользованию и трансляции магических знаний. С другой – вовлеченная в сферу активных межэтнических фольклорных взаимодействий заговорная традиция испытывает на себе те же механизмы самоорганизации, обнаруживает ту же фрактальность. Именно благодаря фрактальному принципу в эзотерической традиции возникают новые «ниши», в которые органично «вписываются» инновации. В данной работе сделан только первый шаг к такому пониманию традиции, в перспективе с этих позиций может быть рассмотрен каждый заговорный текст, что позволит определить более конкретные механизмы адаптации.

Тема «заговорная заумь» в контексте фрактального устройства заговорной традиции коми-зырян занимает одну из ключевых позиций. Мы рассмотрели четыре конкретных примера из заговорной зауми, характерной для традиции коми. Нами выдвинуты две авторские гипотезы, определяющие перспективу исследования в данном направлении. Гипотеза первая: языковые трансформы, верифицируемые как заумь, могут возникать в результате компрессии грамматически правильного текста-источника (предтекста, прототекста) в ритмическую матрицу заговорного акта. Под ритмической матрицей понимается

сложноорганизованная, фиксированная структура ритмических подсистем: звуко-ритмической, ритмомелодической, метрико-ритмической и других размерностей. Гипотеза вторая: компрессия прототекста в заговорный текст может иметь нелинейный характер и являться результатом особой стратегии передачи заговорного знания от учителя ученику. В силу определенных психофизиологических установок и ограничений ученик не запоминает сам заговорный текст, а воспроизводит более глубинные уровни магико-ритуального перформатива, связанные с ритмической матрицей.

Представленная в последней главе концепция порождения сюжета основана на двух гипотетических посылах. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система обладает свойствами, характерными для других синергетических систем. Доказательству этой гипотезы посвящена вся данная работа. Соответственно, самосборка как частный, узколокальный вариант самоорганизации на отдельных участках системы, тоже может иметь место и в фольклорной системе. Наш вариант проявления механизмов самосборки, в исходных своих параметрах соответствующий принципам самосборки на субмолекулярном уровне материального микромира, может быть представлен как одна из возможных аналогий синергетического процесса эволюции системы от неупорядоченности к порядку. В отличие от более широкого понятия самоорганизации, самосборка – это формирование упорядоченных структур за счет взаимодействия между частицами данной среды, без внешнего специфического воздействия. В определенных ситуациях внешнее воздействие может оказывать стимулирующее (или подавляющее) влияние. В случае с первым оттопонимическим сюжетом об убийстве Василия, средой порождения сюжетной структуры становится локальная фольклорная топография, аффективно-ассоциативное осмысление которой и заполняет лежащую в основе этой структуры событийную матрицу.

Рассмотренные во втором параграфе демонологические сюжеты выдвигают на первый план проблему нарративного сознания. Гипотетически, событийная матрица (или набор подобных событийных матриц) представляет

собой заложенный в человеческом (когнитивном) сознании фокус нарративного осмысления окружающего мира в виде связанных между собой событий. «Нарративный транс» – это еще одна гипотетическая концепция автора, построенная на разработках когнитологии, в частности на концепцию сосуществования логико-научного и нарративного модусов мышления (как равноправных, но фундаментально различных способах убеждения и самоубеждения) Джерома Брунера. Однако в нашем случае эти два модуса могут быть рассмотрены как два взаимосвязанных процесса восприятия действительности. Ассоциативно-смысловая структура – это продукт парадигматического (логико-научного, аффективно-ассоциативного мышления) модуса. Дальнейшая нарративизация этих структур зависит от степени их соответствия «событийным матрицам», одну из которых мы и пытались актуализировать. Демонологические сюжеты, возникшие без переключения сознания реципиента в «нарративный модус», входят в фонд повествовательной традиции, и именно они транслируют устоявшиеся повествовательные «каноны», на языке синергетики – поддерживают систему в состоянии устойчивого равновесия. Однако при этом очевидно, что появление оригинальных сюжетов связано с выходом за пределы «флуктуаций», и именно они определяют развитие системы на данном участке, проявляют эмерджентные свойства фольклорной традиции, и уводят ее от точки термодинамического равновесия.

Исследуемая нами коми традиционная культура на протяжении всего XX в. находилась в состоянии активных межэтнических взаимоотношений, что связано с глубокими трансформациями фольклорной традиции. Вероятно, это можно сказать о многих этнических традициях постсоветского пространства. Несмотря на то, что этот период определяется как время стагнации этнических культур, не все здесь столь просто, как кажется. По мере накопления и осмысления фактов становится все очевиднее, что попытки управления и идеологического контроля вызвали не столько перестройку механизмов традиции, сколько мимикрию под действительность, опять же порожденную

внутрисистемной самоорганизацией. Там, где традиция сумела сохранить параметры сложноорганизованной системы – речь может идти как об отдельных локальных/микрлокальных традициях, так и об отдельных участках фольклорной культуры – можно надеяться на самовоспроизводство новых фольклорных явлений.

Основные публикации автора по теме диссертации

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях ВАК и журналах, индексируемых в международных базах:

1. Панюков А.В. Мифологический сюжет о варке суслы в фольклоре коми // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 190-199.
2. Панюков А.В. К вопросу о самоорганизации фольклорной заумы (на материале коми считалок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34. С. 93-98.
3. Панюков А.В. День победы и образ Святого Стефана Пермского // Традиционная культура. Научный альманах. 2010. № 2 (38). С. 32-36.
4. Панюков А.В. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 9 (71). С. 34-41.
5. Панюков А.В. Образ мороза в календарной мифологии коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 1 (9). С. 89-92.
6. Панюков А.В. Праздничные обходы территорий в локальных коми традициях // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 72-85.
7. Панюков А.В. Фольклоризм истории VS историзм фольклора: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. № 3 (15). С. 103-109.
8. Панюков А.В. Назад в будущее: Убийство князя Василия Вымского // Традиционная культура. Научный альманах. 2013. № 4 (52). С. 61-69.

9. Панюков А.В. Из детской промысловой магии коми-зырян // Традиционная культура. Научный альманах. 2014. № 3 (55). С. 146-157.
10. Панюков А.В. Ижмо-колвинский эпос: встреча традиций // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 4 (24). С. 108-119.
11. Панюков А.В. Образы святочных духов в фольклоре коми-зырян // Традиционная культура. Научный альманах. 2016. № 2 (62). С. 80-94.
12. Панюков А.В. Из календарной обрядности вишерских коми: Демьян Бедный // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 2. С. 169-178.
13. Панюков А.В. *Вомидз* ‘сглаз’ как феномен вербальной магии коми // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 3. С. 433-445.
14. Панюков А. В. Из календарной обрядности коми-зырян: *во воис* ‘Год пришел – урожай дошел’ // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 429-438.
15. Панюков А.В. Урочище *Гӧрд чой* ‘Красная гора’ в фольклорной топографии коми-зырянской Вишеры // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 1. С. 66–83.
16. Панюков А. В. Духи *шева* в демонологических представлениях коми-зырян // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 358-366.
17. Paniukov A. Feast-day circumambulations of territories in the local traditions of the Komi // Anthropology & Archeology of Eurasia. USA: M.E. Sharpe, Inc. 2012. Vol. 51. Iss. 2. P. 41-46.
18. Panyukov Anatoly. Zaum (Beyonsense, Educanto) in the Komi Tradition of Incantations: Revisiting the Issue of Origins // Folklore. 2019. Vol. 76. P. 39-56. Published by: FB and Media Group of LM Edited by Mare Kõiva & Andres Kuperjanov/
19. Панюков А.В. Лесные женщины в охотничьих рассказах коми-зырян // Традиционная культура. Научный альманах. 2024. № 1. С. 150-162.
20. Панюков А.В. От событий языка к языку событий // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 80-92.

Монографии

21. Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009. 224 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской академии наук).

Аннотированные сборники текстов

22. Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа / Сост. А.В. Панюков. Сыктывкар, 2009 г. – 495 с. (с аудиоприложением).
23. Изсайса комияслӧн фольклор (Фольклор зауральских коми) / Сост. М.И. Ёлтышева, Н.С. Коровина, А.В. Панюков. Сыктывкар, 2016. – 292 с. (Отв. редактор, вступ. ст., составитель, комментарии, оформление, компакт-диск).

Статьи в других научных изданиях

24. Панюков А.В. К проблеме функционирования архетипических моделей в современной традиционной культуре // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры (сборник статей) В 2-х тт. Сыктывкар, 1996. Т. 2. С. 217-224.
25. Панюков А.В. Коми и русские: диссипативные механизмы в системе фольклорных заимствований // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Материалы международной научной конференции (Сыктывкар, 17-19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 418-421.
26. Панюков А.В. Заимствованный фольклор в коми традиционной культуре //Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. Tartu, 2001. Pars VII. P. 177-183.
27. Панюков А.В. Актуальные проблемы изучения устной несказочной прозы: проблема мифологического нарратива / Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: ИПО СыктГУ, 2002. – 56 с.
28. Панюков А.В. К вопросу о ключевых концептах коми культуры: *нимкыв видзны* в контексте представлений о *дзоньвидзалун* // Символ в системе

- культуры: проблемы интерпретации текста (Доклады научной конференции). Сыктывкар, 2003. С. 129-131.
29. Панюков А.В. Этнолингвистический аспект изучения коми заговорной традиции: Нимкыв видзем (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып.462). – Сыктывкар, 2003. – 28 с.
30. Панюков А.В. *Роч 'русский'* в коми традиционной картине мира // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 216-219.
31. Панюков А.В. Коми заговорная традиция «нимкыв видзем»: заговорные версии сюжета «Пан тшын» // История современное состояние перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всеросс. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 279-283.
32. Панюков А.В. К проблеме поэтики устных мифологических рассказов: лингвосемантический подход // Славянская традиционная культура и современный мир. – Вып. 9. Сб. научных статей по материалам конференции. М., 2006. С.86-105.
33. Панюков А.В. Самоорганизация фольклорного текста и проблема вариативности // Духовная культура финно-угорских народов России. Материалы Всероссийской научной конференции «Духовная культура финно-угорских народов России», посвященной 80-летию А.К. Микушева. Сыктывкар, 2007. С. 89-93.
34. Панюков А.В. Фольклорная традиция как синергетический объект: к постановке проблемы // Семиозис и культура: философия и феноменология текста: сборник научных статей / под общ. ред. И.Е. Фадеевой и В.А. Сулимова. Сыктывкар, 2009. С. 264-295.
35. Панюков А.В. К проблеме самоорганизации коми фольклорной традиции: Горань // Слово и текст: история, культура, этнос. Сборник научных трудов

- памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 129-136.
36. Панюков А.В. Формула "На том берегу дым дымится" в коми фольклорной картине мира // Семиозис и культура: философия и антропология разрыва (текст, сознание, код): сборник научных статей / под общ. ред. И.Е. Фадеевой и В.А. Сулимова. Сыктывкар, 2010. С. 278-282.
37. Панюков А.В. Обряд *ректасьом* в знахарской традиции коми // Живая старина. М., 2010. № 2. С. 46-48.
38. Панюков А.В. Радуга в фольклоре коми // Живая старина. М., 2011. № 3 (71). С.25-27.
39. Панюков А.В. *Komi muusika äärealed: lindude maailm* // *Mäetagused* 47/ *Toimetajad Mare Kõiva & Andres Kuperjanov*. Tartu, 2011. №47. P.83-108. (рецензируемый журнал Академии наук Эстонии и Эстонского литературного музея).
40. Панюков А.В. Синергетика фольклорных контактов: ижмо-колвинская фольклорная традиция // Фольклористика коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С.189-208 (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 70).
41. Панюков А.В. Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН как источник по традиционной культуре народов Европейского севера // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2013. Т. 2012. С. 102-109.
42. Панюков А.В. Из жизни коми-вятского пограничья: святочная демонология летских коми // Зеленинские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 12 ноября 2013 г.) / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 2013. С.94-100.
43. Панюков А.В. Календарная терминология коми в зеркале народной этимологии // Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции

- и перспективы. Сборник статей. Изд-во Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, 2013. С.201 – 207.
44. Панюков А.В. Заимствования в заговорной традиции коми-зырян: в поисках прагматики //Человек. Культура. Образование / Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал. Сыктывкар: Изд. Центр СГУ им. Питирима Сорокина. №2 (16)/ 2015. С.250-262.
45. Панюков А.В. Я сам Исус Христос: заимствования в заговорной традиции коми-зырян // Рябининские чтения – 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С.389-392.
46. Панюков А.В. Заумь в заговорной традиции коми: в поисках истоков // Sator: Фольклористика Коми: тексты, исследования. Научное издательство ЭЛМ. Тарту, 2016. С.67-98.
47. Панюков А.В. Феномен самосборки в фольклоре: быличка о домовом //Человек. Культура. Образование / Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал. Сыктывкар: Изд. Центр СГУ им. Питирима Сорокина. 2016. №2 (20). С. 226-243.
48. Панюков А.В. Ижмо-колвинский эпос: Исполнитель – Текст – Аудитория // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова: Серия Эпосоведение. 2018. №1 (9). С. 31-41.
49. Панюков А.В. Демонология измененных состояний сознания: нарративный транс // Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации [Электронный ресурс]: XIV Международная научная конференция (6–7 декабря 2019 г., г. Сыктывкар): сборник материалов: текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. С.77-88.
50. Панюков А.В. Саръя вад ‘капризное озеро’ VS саръя вад ‘озеро с царем’ // Пермистика 19: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей / отв. ред. С.А. Сажина. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2023. С. 369-376.